

Колобанова Агата

Не
оглядывайся
назад!

Агата Колобанова

Не оглядывайся назад!

«Издательские решения»

Колобанова А. В.

Не оглядывайся назад! / А. В. Колобанова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530439-1

Не всем собакам везет с хозяевами. Альке не повезло. Ее хозяин сделал нечто ужасное и перестал быть для своей собаки человеком, достойным доверия. И теперь черно-рыжей пушистой собачонке со смешными мохнатыми ушами предстоит проделать долгий и трудный путь, чтобы получить новое имя, новый дом и новое счастье.

ISBN 978-5-00-530439-1

© Колобанова А. В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Мир вокруг изменился	6
Часть 2. Озеро и люди	8
Часть 3. Утренняя встреча	10
Часть 4. Искушение	12
Часть 5. Путь в неизведанное	14
Часть 6. Нехорошее место	16
Часть 7. То, чего не должно тут быть	18
Часть 8. В ловушке	20
Часть 9. Решение	22
Часть 10. Большой Город	24
Часть 11. Новые знакомства	26
Часть 12. Птичий хлеб	28
Часть 13. Грехопадение	31
Часть 14. Искусительница	34
Часть 15. Власть Кристи	37
Часть 16. Примирение стаи	40
Часть 17. Ужасный кот	42
Часть 18. Допрос	44
Часть 19. Предчувствие	47
Часть 20. Человечьи дрязги	49
Часть 21. Чудовище	51
Часть 22. Важный разговор	54
Часть 23. Два котенка на газоне	56
Часть 24. Недобрая встреча	58
Часть 25. Ожидание беды	60
Часть 26. Неправильное мясо	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Не оглядывайся назад!

Агата Витальевна Колобанова

© Агата Витальевна Колобанова, 2020

ISBN 978-5-0053-0439-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Мир вокруг изменился

Она не знала, сколько идет. Она не знала, куда идет. Главное – она уходила из места, которое навсегда стало ужасным.

Еще недавно она любила. Любила Хозяина Вову.

«Алька, ко мне!» – подзывал он, и она, виляя пушистым хвостом от счастья, бежала на зов самого лучшего голоса в мире.

Теперь, заслышав его, соберет силы и побежит прочь. Прочь от того чудовища, в которое превратился Вова.

Она любила своих детей. Утром они еще были. Хорошие, крепкие, рослые. Она прятала их первое время, пока не начали бегать сами. Потому, что, когда щенки рождались, Вова забирал их и складывал в ведро. И больше Алька своих детей не видела.

А те, что окрепли, могли жить вместе с ней. Вова постепенно раздавал их другим людям. Некоторых – соседям. И так они и жили неподалеку.

Но на этот раз все было не так.

«Смотри, какие красивые на этот раз получились!» – гордо сказала Алька, подводя весь выводок к хозяину.

Она знала – будет недоволен. Почему-то он всегда недоволен, когда она приводит новых щенят.

Но того, что произошло, не ожидала.

Вова не просто был недоволен. Он кричал. Он топал ногами.

Надо было бежать. Бежать сразу, как только, когда Вова стал странным. Но Алька не догадалась.

Она спряталась, спряталась в свою конуру, и щенки спрятались вместе с ней, надеясь в укрытии переждать гнев человека.

Но это было не укрытие. Это была ловушка.

Длинные человеческие руки шарили по конуре, пока не переловили всех щенят. А потом...

Потом щенки рыдали и звали на помощь из бочки с дождевой водой. Алька металась вокруг, пыталась запрыгнуть на край бочки, подтянуться на лапах и вытащить их. Несколько раз даже успела увидеть, как они пытаются плыть, скребут лапчонками железный борт...

Они затихли. Все. Совсем все. Не отзывались на зов, не звали на помощь сами. Алька не смогла спасти своих детей.

И двор вокруг изменился. Стал страшным и враждебным. Бочка, из которой поливали ее дети Вовы во время летних игр, стала кошмарным местом смерти. Конура, в которой Алька росла с детства – ловушкой, из которой нет выхода. Вова... больше не Вова.

Она просочилась в щель под калиткой, как делала это много раз, выбираясь со двора. Никто не пытался ее задержать. Никто не знал, что собака, которая прожила в этом доме четыре года, уходит навсегда. Уходит, не оглядываясь назад.

Куда бы ни привела ее дорога, обратно пути уже нет. Придется как-то жить дальше. Как – ее не волновало. Об этом она подумает потом. Потому, что сейчас лучше не думать. Совсем.

Небольшая пушистая черно-рыжая собачка с большими забавными ушами брела по грунтовой дороге, спотыкаясь от усталости. Брела и не останавливалась. Ее большие янтарные глаза смотрели вперед и ничего не видели.

Главное – идти вперед. Идти – и не оглядываться. Чтобы прошлое не схватило за хвост и не вернуло назад.

Бывают в жизни времена,
Когда кричит в ночи луна,
И не становится кошмар
Безликим отголоском сна.

И сердце врет, и небо врет,
А ты бежишь, бежишь вперед,
Бежишь, и не глядишь назад,
И жадно душу страх дерет.

И не надеешься найти
Конец безумного пути,
не задаешь себе вопрос —
Куда идти, зачем идти.

Бежишь откуда – не куда,
И не вернешься никогда,
И удираешь день за днем
Сквозь годы, вехи, города...

Часть 2. Озеро и люди

Она не сразу поняла, что происходит и почему вокруг все такое непривычное и незнакомое. Сонно подняла голову. Огляделась...

И воспоминания навалились на нее, все разом, заставив тихо заскулить от безысходности.

Назад дороги нет. Нет, потому что дом перестал быть домом. Надо как-то жить дальше. По-новому. Да, именно так. Начинается новая жизнь.

И в этой новой жизни Алька лежала на покрытом росой травянистом берегу озера и мерзла. Мерзла, пока холод не пересилил боль и ужас вчерашнего дня и не заставил подняться.

Новая жизнь оказалась несколько зябкой, в ней хотелось есть и пить. И последнее желание можно было выполнить прямо сейчас.

Неуклюже переступая одеревеневшими от холода лапами, Алька спустилась к воде и начала лакать. Вода была удивительно вкусной.

«Не так и плоха эта новая жизнь», – подумала собачонка, поднимая голову.

Вперед простиралась вода, много-много воды, в которой отражались облака. Далеко-далеко, на краю этой воды, полускрытый мутной дымкой, виднелся противоположный берег.

Знакомые места. Она бывала здесь, когда ходила гулять с детьми.

Значит, нужно уходить и отсюда. Иначе придут Вовины дети и увидят ее. И тогда придет Вова, чтобы вернуть Альку в дом с конурой и дождевой бочкой.

Развернувшись, собачонка потрусилась вдоль берега. Чем дальше она уйдет отсюда, тем лучше. Да и вообще, когда двигаешься, не так холодно.

Она не знала, сколько прошло времени. Становилось все теплее. Даже жарко стало в конце концов. Несколько раз приходилось спускаться к озеру, пить и валяться в воде, чтобы справиться с жарой.

Людей она сначала услышала – веселые громкие незнакомые голоса. Потом унюхала. Упоительный запах жарящегося мяса, который растекается над землей и сам забирается в нос, щекоча ноздри и заставляя рот наполняться слюной. И только потом увидела.

Они сидели на берегу и жарили мясо в небольшом мангале – такой же был у Вовино сына.

«У вас для меня кусочка не найдется?» – спросила собачонка, выглядывая из кустов. Полностью выйти к людям Алька не решилась, страх и голод боролись в ней на равных, не позволяя ни убежать, ни поприветствовать людей как следует.

«О, собака! Отдайте ей те жилистые куски!» – радостно гаркнул, глядя на торчашую из кустов лопухую морду, мужчина с большой лысиной и красным лицом.

Что-то просвистело в воздухе, заставив собачонку спрятаться в кустах. Просвистело – и упало на траву недалеко от того места, где она выглядывало. И осталось там лежать, источая упоительный аромат.

Мясо!

Первый кусок она утащила в кусты и жадно съела там, прячась и вздрагивая от страха. Второй, прилетевший следом, потребила уже на месте.

Люди оказались не так уж плохи. Мяса, правда, больше не дали. Но перекинули два ломтика хлеба и корочки от сыра.

Успокоившись, собачонка выбралась из кустов и устроилась недалеко от краснолицего мужчины. Тот не возражал.

«Может быть, не так у меня все и плохо? Вот пойдут они отсюда, и я уйду к ним жить. А что? Кормят вкусно, не обижают. Наверняка и уголок во дворе мне найдут. Чего еще хотеть от человека?»

Мысль понравилась Альке. Положив голову на лапы, она наблюдала за веселящимися людьми и предвкушала новый дом. Дом, в котором всегда будет много смеха, радости и вкусной еды.

Часть 3. Утренняя встреча

Вечер подкрался незаметно. Люди засуетились и начали собирать вещи.

«О, пора? Идем к вам в дом?» – обрадовалась Алька.

Ей ничего не ответили. Собрали все, что принесли. Даже мусор, в сумки и пакеты, сложили в машину. Сели. И уехали. Уехали, оставив собачонку там, где и встретили.

«А... как же так? А я?»

Алька смотрела вслед машине и не могла понять, что же такое произошло сегодня. Ей казалось, что она отлично поладила с этими людьми. К тому же, люди поделились с ней едой. Разве это не значит, что ее взяли в стаю?

Но, похоже, нет. Не взяли. Немного подружили, и ушли.

Прощай, мечта о доме, где много радости, смеха и вкусной еды. Ночевать придется тут, на озере, на холодной земле.

Вздыхнув, она двинулась вдоль берега. Надо выбрать местечко поуютнее, побезопаснее. Чтобы никто не нашел. Чтобы не замерзнуть. Чтобы было как конура.

Свернув на тропинку меж колючих кустов, она углубилась в заросли. Здесь неплохо, есть укрытие от посторонних глаз. Еще бы от холода и сырости было...

Он появился за поворотом так неожиданно, что Алька испугалась. Отскочила, потом осторожно выглянула...

Укрытие. Кусок пленки, наброшенный на несколько связанных меж собой кустов и закрепленный за углы. Внутри – устланное сухой травой уютное пространство. И запах. Запах людей. Детей.

Дети сделали себе конуру? Зачем? И где они сами?

Детей вокруг не наблюдалось. Ни запаха, ни звука голосов и шагов.

А крапывающий дождик постепенно усиливался, угрожая перейти в ливень.

«Если они рассердятся, что я здесь сплю, просто убегу», – решила собачонка и забралась в укрытие.

Лежать на толстом слое сухой травы оказалось уютно, а стук дождя по пленке напоминал те времена, когда она вот так же засыпала в конуре, в теплой уютной конуре, в теплой, сухой, уютной...

Голоса разбудили ее рано утром. Не детские – взрослые голоса. Люди. Мужчины.

Осторожно, прижимаясь к земле, Алька поползла на разведку. Она не знала, зачем это делает. Наверное, чтобы понимать, что творится вокруг.

Двое мужчин в сапогах раскладывали рыболовные снасти. Удочки Алька узнала – у Вовы были похожие. И сапоги такие были. Иногда Вова шел на озеро и долго-долго стоял там. Но стоял не просто так, время от времени он вытаскивал рыбу. Рыб побольше забирал себе, а мелких рыбешек сразу же отдавал Альке.

Может, и эти люди отдадут ей мелких рыбок.

Выбравшись из кустов, собачонка уселась недалеко от рыбаков. Так, чтобы видели, но не могли быстро подбежать и схватить.

«Я тут посижу и подожду мелкую рыбку. А то есть очень хочется».

Они, казалось, не заметили мохнатую гостью. Стояли все так же, почти неподвижно, лишь изредка переговариваясь между собой.

Потом первый вытащил улов. Рыба. Крупная. Покосился на Альку и положил добычу в ведро.

«Нет, я знаю, большие рыбы твои, их трогать нельзя», – успокоила его собачонка. – «Я маленьких жду».

«Знаешь, Костя, все-таки видел я где-то эту собачонку. И не так давно видел», – задумчиво сказал рыбка своему товарищу. – «И ошейник от блох на шее есть. Точно чья-то домашняя».

«Ну так давай ей отдадим мелких рыбешек, прикормим. А потом поспрашиваем, не сбегала ли у кого такая. Если сегодня покормим, она нас дождется. Так хозяину и вернем».

Алька не понимала того, о чем говорят люди. Она просто ждала, когда ей перекинут мелких рыбешек и она сможет утолить свой голод.

Часть 4. Искушение

Днем в укрытие, в котором ночевала Алька пришли дети. Незнакомые дети. Спрятавшись в кустах, собачонка наблюдала, как трое мальчишек играют в ее убежище.

Вечером дети ушли, забрав свои вещи, и шалаш снова опустел.

«Значит, днем это их конура, а ночью – моя», – решила собачонка, устраиваясь на сухой траве.

Ей понравилось засыпать в сухости и безопасности, на теплой, пахнущей человеческими детьми травяной подстилке. Еще больше ей нравилось то, что стены укрытия не были сплошными, как в конуре.

Можно было нырнуть в любую сторону – и ты уже в кустах, и никто тебя не поймают.

Может быть, стоит познакомиться с этими детьми, когда они придут завтра. Обычно дети рады ее обществу. Если не прогонят, можно будет и днем сидеть в убежище.

Так она и уснула, представляя себе грядущее знакомство.

«Алька! Алька! Ко мне, Алька!»

Голос из прошлого вырвал ее из сна. Безумно любимый и ненавистный.

Вова!

Вова нашел ее и зовет, чтобы вернуть в ужасный двор, где все пропитано страхом и смертью.

Она слишком мало бежала, надо было убежать дальше.

«Алька, Алька, на-на-на!» – вторил ему голос Маши, старшей дочери Вовы.

«На-на-на!», это особый зов. Это приглашение подойти и получить лакомый кусочек.

Рот Альки наполнился слюной. Со вчерашнего утра, когда ее угостили рыбаки, прошло очень много времени. Она хотела есть. Сильно хотела.

«На-на-на!» – звала Маша.

Медленно, стараясь не задеть ни одной веточки, собачонка прокралась через кусты поближе.

Маша стояла, протягивая вперед руку. В пальцах ее была зажата котлета.

Вчерашние котлетки- как они редко перепали Альке!

А в другой руке Маши зажат маленький прозрачный пакетик. И в нем – еще котлеты!

Котлеты! Котлеты, котлеты, котлеты!!! Целый пакет котлет!

Мелко дрожа от возбуждения, собачонка двинулась вперед.

Тяжелые шаги заставили ее сжаться и затаиться.

«Ну как, Маш, видела пропащую?» – спросил голос Вовы.

Вова тут. Вова тут!

Если она подойдет за котлетами к Маше, ее поймает Вова.

Все так же, крадучись, стараясь не задеть ни одной веточки, Алька развернулась и двинулась прочь.

Котлеты, конечно, жалко. Она очень-очень любит котлеты. Но к Вове она не вернется. Ни за что. Пусть сам съест эти котлеты!

Надо уходить. Уходить далеко-далеко, так далеко, чтобы никогда-никогда никто-никто не нашел.

Пригибаясь и прячась, небольшая мохнатая черно-рыжая собачонка с забавными большими ушами уходила все дальше и дальше. Вдоль берега озера, до большой дороги, по которой сновали туда-сюда десятки машин. Вдоль этой дороги, по обочине, прочь, прочь от знакомых мест, туда, где точно не найдут.

Она не знала, что ждет ее впереди. Не знала и не задумывалась. Просто уходила, не оглядываясь назад.

Часть 5. Путь в неизведанное

Дорога была длинной и пыльной. Солнце разогрело асфальт и пыль на нем, проезжающие машины, и ото всего этого веяло удушающим жаром.

Тяжело переставляя усталые лапы, вдоль этой дороги брела собачонка, серая от пыли. Ее пушистый хвост и мохнатые уши поникли от усталости. Она хотела пить. Но для того, чтобы попить, нужно было найти воду. Хоть какую-нибудь лужицу или ручеек. А их не было.

Можно было отойти от дороги и поискать по округе. Но Алька боялась потерять эту дорогу. Она сама не понимала, почему дорога так важна для нее. Но упорно брела по обочине, никуда не сворачивая.

Лес, который тянулся с одной стороны дороги, сменился заборами и травянистыми лугами, на которых паслись коровы и козы. Это было похоже на родной поселок, но дома и запахи были Альке незнакомы.

«Дошла. Жилые места. Можно тут жить», – подумала собачонка, останавливаясь.

Стоять оказалось тяжелее, чем идти. Устало подбрав задние лапы, она неуклюже уселась прямо на обочине, глядя на коров и забор за их спинами.

Надо отдышаться и отдохнуть. И можно будет идти в поселок, осматриваться, искать себе место в новой жизни.

Одна из коз подняла голову и уставилась на собачонку неподвижными золотистыми глазами. Потом поднялась и двинулась к ней, угрожающе выставив вперед рога.

«А ну пошла отсюда! Вон иди! Убирайся вон!»

Присев на все четыре лапы, пытаясь выглядеть как можно безобиднее, Алька попятилась вдоль дороги, по обочине, спасаясь от козьего гнева.

Коза продолжала наступать, постепенно ускоряя шаг. Сейчас догонит, догонит и нападет!

«Ай-яй-яй, не надо, не надо, не бейте!»

Пронзительно умоляя о пощаде, собачонка бросилась прочь, не разбирая дороги.

Коза давно отстала и вернулась к своим козлятам, но Алька, оглушенная собственным визгом, не слышала и не понимала, что топот за спиной затих, и продолжала бежать, спасаясь от опасности.

Она бежала, бежала, бежала... потом земля почему-то стала скользкой, лапы разъехались, и Алька упала в жидкую грязь.

Мокрая, илистая черная грязь. И вода. Вода!

Забыв, что только что спасалась, захлебываясь криком от страха, собачонка жадно пила прохладную мутную воду. Это было вкусно, одуряюще вкусно!

Утолив жажду, Алька осознала, наконец, что голодна. Очень-очень голодна. Голод был настолько силен, что заглушал даже усталость. Нужно было срочно что-то найти и съесть.

Поднявшись на лапы, наслаждаясь прохладой, которую ей дарила густо пропитавшаяся водой мокрая шерсть, собачонка огляделась.

Она стояла прямо на дне то ли неглубокой узенькой речки, то ли большого ручья. Страшных злобных коз рядом не наблюдалось. Нестрашных и не злобных – тоже.

Слева проходила автомобильная дорога, на которой не было машин. За ней – поросший травой и кустарником пустырь. И заборы, заборы домов с выглядывающими из-за них крышами.

Собравшись с силами, собачонка сделала шаг еще шаг. И еще шаг. Усталые лапы послушно двинули ее тело вперед.

Дорога была горячая и припекала лапы, но быстро кончилась. Густая трава и кусты пустыря оказались уютными, здесь можно было прятаться, скрываться. Возможно, удастся даже выбрать местечко для норы.

Вот только голод. Голод мучил немилосердно. Опустив нос к земле, Алька рыскала по пустырю в поисках запаха съестного. Обьедки, может быть, мелкая живность. Которую получится поймать. Не важно. Главное, чтобы это можно было съесть.

Он обнаружился не сразу. Алька рыскала долго, достаточно долго, чтобы жара сменилась вечерней прохладой, а яркий полуденный свет начал уступать место сумраку.

Недавно, наверное, еще утром, это был большой и сильный белый кот. Но сейчас это было не важно. Потому, что лежал он тут уже не первый час. Неподвижный и больше не живой. Без головы.

«Кто и зачем мог сделать такое?» – подумала Алька, с удивлением и страхом обнюхивая бывшего кота.

Кот пах котом. И еще людьми. И кровью. Кровью и плотью – запахом еды!

Прихватив тушку за спину, собачонка поволокла свою добычу подальше от дороги, в кусты, туда, где никто не найдет, никто не отберет ее добычу.

Надо же... Кошек, оказывается, тоже можно есть...

Часть 6. Нехорошее место

На этот раз Алька проснулась в зарослях молодого ивняка. Гибкие крепкие стебли со всех сторон закрывали ее так, что бесшумно подобраться смог бы только кто-то небольшой и не опасный.

Выбравшись из зарослей и как следует потянувшись, Алька осторожно перешла дорогу и направилась к ручью – утолить жажду.

Потом можно будет откопать остатки вчерашней трапезы и насытиться. Останков kota, конечно, надолго не хватит. Но пока он есть и он – еда. Вот кончится, тогда она и будет думать о пропитании.

Попив и подкрепившись, собачонка отправилась исследовать окрестности.

Поселок встретил ее недружелюбно – высокими глухими заборами и сердитым собачьим лаем из-за них.

«Чужачка! Убирайся! Убирайся! Не место тебе тут!»

Осторожно, пригибаясь, приседая, готовая в любой момент броситься наутек, Алька пробиралась мимо рычащих за заборами псов. Она-то знала, как легко можно выбраться наружу. Немного подкопать землю – и все, лаз готов. А уж выскочив, пес наверняка задаст ей трепку.

Но нужно было осмотреться, разобраться, куда она попала, стоит ли оставаться жить в этом месте или искать другое.

Большие заборы. Недружелюбные собаки. Люди заняты делом и не желают общаться, лишь иногда раздраженно гоняют с дороги.

Неуютное место. Неприветливые люди. Она скиталась весь день, но никто так и не обратил внимания на пушистую собачонку со смешными мохнатыми ушами и большим красивым хвостом.

Усталая, голодная, Алька направилась к своему убежищу. Пусть она и не добыла себе еды за день, и вся ее трапеза состояла из съеденных утром останков kota, но зато можно будет напиться из ручья. А уже завтра она подумает, куда пожаться дальше.

Котенка она сначала услышала, и только потом увидела. Он лежал рядом с ручьем и тихо, хрипло и страшно стонал. Совсем маленький, такие обычно не ходят без мамы-кошки. Собачонка огляделась, осторожно отступая от кошачьего детеныша: получить трепку за то, чего не делала, она не хотела.

Но ни кошки, ни ее запаха не наблюдалось рядом. Только запах котенка и свежей крови от него. Одурачивающий запах крови.

И вчера она выяснила, что кошек можно есть. Тот кот оказался вполне сытным. Возможно, котенок тоже окажется неплох.

Альке уже приходилось охотиться на крыс. Осторожно, стараясь не спугнуть добычу, она подобралась поближе...

Можно было и не осторожничать. Этот котенок уже никуда не побежит. Совсем никуда. Не надо ему, такому, жить...

Все закончилось быстро – тихий полуписк-полухрип, и все. Подхватив добычу, собачонка быстро, крадущейся рысцой, двинулась к своему убежищу.

Это, конечно, хорошо, что у нее есть еда. Она голодна, очень голодна.

Но от этого котенка пахло теми же людьми, что и от вчерашнего кота.

Кто-то обезглавил кота. А потом сделал с котенком вот это.

Этот кто-то – человек. Точнее, люди. И от кота, и от котенка пахло двумя людьми. подростками.

Алька не знала, зачем и почему люди сделали такое с кошками. Но понимала, что это так же ужасно, как то, что сделал с ее щенками Вова.

Она попала в какое-то совсем нехорошее место. Нехорошее и опасное.

Надо будет подумать об этом завтра. Сейчас, сытая и усталая, она слишком сонная, чтобы уходить куда-либо. В ивняке люди ее не найдут. Надо спрятаться и отдохнуть.

Часть 7. То, чего не должно тут быть

Алька понимала, что поселилась в нехорошем месте. Но слишком тяжелой и страшной была дорога до него. Она не сомневалась в том, что нужно уходить отсюда, но никак не могла решиться.

Теперь, когда она ушла от своих хозяев, еду приходилось добывать самостоятельно.

Она сделала немало открытий.

Оказывается, днем, когда солнце до звона прогревает воздух и везде бродят недовольные люди, не стоит выбираться на поиски еды. Охотиться надо вечером и ночью, когда на все те же поиски все той же еды выбираются те, кто может стать добычей для небольшой собаки.

Если пройти вдоль дороги и обогнуть поселение людей, можно попасть на большое поле. Вот это поле, кишашее мелкой живностью, и стало охотничьими угодами Альки.

А можно было пробраться вдоль заборов до мусорных баков и подстеречь там неосторожную крысу. Крысы были крупнее и ловчее, но зато заметно сытнее полевок.

Иногда, очень редко, удавалось найти что-то съедобное в самих баках. Но обычно все, что стоило внимания, за день растаскивали вороны.

Возвращаясь обратно к своему убежищу в ивняке, собачонка всегда внимательно приглядывалась и принюхивалась. Иногда удача улыбалась ей, и где-нибудь в траве или кустах она находила останки очередной кошки, а чаще – котенка.

Это были удачные, очень удачные ночи – Альке удавалось наесться досыта. И в то же время это были страшные ночи: снова она видела то, чего не должно было быть, и что сотворили люди.

Этих людей она не видела. Но точно запомнила их запах. Они появлялись здесь раз в несколько дней, приезжали на велосипедах, никогда не задерживались надолго. Их нужно было опасаться, они несли зло.

Засыпая, она снова и снова задумывалась о том, что лучше бы уйти отсюда, слишком странные и нехорошие дела тут творятся. А просыпаясь, снова отправлялась на поиски еды.

Этот день был совсем неудачным. Жара неожиданно сменилась дождливой погодой, и вся добыча попряталась по своим норам. Даже крысы возле помойки притихли и не выглядывали наружу.

Усталая, голодная и измученная, она уже ни на что не надеялась. Вряд ли люди будут кататься на велосипедах под дождем. Значит, возле ручья она тоже не найдет пропитания.

Но пропитание возле ручья оказалось. И очень привлекательное на вид пропитание. Толстый, одуряюще пахнущий ломтик колбасы.

Его не должно было тут быть. Такая хорошая жареная колбаса вот так вот просто на земле не валяется.

Но ломтик существовал здесь и сейчас. Он лежал у корней куста, манящий и прекрасный. Лежал так, словно кто-то специально положил его для Альки.

Может быть, какой-то добрый человек обнаружил, что здесь, у ручья, поселилась голодная собака, и решил покормить ее?

Опустив голову, собачонка обнюхала влажную землю, надеясь обнаружить остатки запаха доброго человека.

Запах оказался ей знаком.

Но зачем они... которые убивают кошек... оставили еду для собаки?

Страх говорил: «Не верь, уходи отсюда!»

Голод кричал: «Колбаса! Колбаса! Колбаса!»

Медленно, крадучись, собачонка приближалась к восхитительно пахнущему ломтику...

Часть 8. В ловушке

Колбаса. Ароматная жареная колбаса. Как давно Алька не ела ничего подобного!

С каждым шагом все слабее сдерживала ее осторожность, все сильнее гнал вперед голод. Наконец, собачонка не выдержала, преодолела оставшееся пространство одним большим шагом и жадно набросилась на угощение.

Это было вкусно. О, как это было упоительно вкусно! Она долго вылизывала землю, пропитанную колбасным запахом в надежде найти хоть крошечку, хоть капельку жира.

А потом подняла голову... попыталась поднять. И не смогла. Непонятно откуда появившаяся на шее веревка плотно обхватила ее, притянув к толстым нижним ветвям куста.

Алька испугалась. Испугалась настолько, что перестала соображать. Она билась, она дергалась, она металась и натягивала веревку. И с каждым рывком хватка на ее шее становилась все сильнее и сильнее.

В конце концов, обессиленная, собачонка покорно легла около куста. Дышать было трудно. Очень трудно. Веревка стискивала ее шею, перекрывая доступ воздуху.

Вдох. Тяжелый, придушенный вдох через силу. Выдох. Такой же натужный. Еще вдох. Еще выдох.

Она лежала и дышала, дышала с трудом, вопреки хватке плотной веревки, пропахшей руками тех, кто творил страшные вещи с кошками. Вот и Альку они поймали. И сделают что-нибудь такое же ужасное. И это будет больно. Очень-очень больно и страшно.

А потом она умрет, как и те кошки.

Она не хотела боли. И страха тоже не хотела. Она хотела жить, жить здоровой и без боли. Избавиться от веревки и уйти из этого ужасного места навсегда.

Снять веревку с шеи, как ошейник не получилось. Она не соскальзывала. Она просто затягивалась туже.

Значит, надо уйти с веревкой. С веревкой на шее уйти и найти того, кто снимет это с Альки. Раньше многие люди бывали к ней добры. Найдется и теперь кто-нибудь, кто пожалеет и поможет.

Забравшись поглубже в куст, к которому она была привязана, собачонка устроилась рядом с той самой веткой, к которой крепилась веревка. И начала грызть.

Нейлоновая веревка только казалась мягкой и податливой. На самом деле, ее волокна были жесткими и больно ранили собачьи десны. Но это было ничто по сравнению с той болью, которая ее ждала тогда, когда придут те, кто поймал ее этой веревкой. И она продолжала грызть. Грызть и грызть, не останавливаясь и не отвлекаясь на боль.

Она не знала, сколько времени прошло. Ночная темнота сменилась сумраком, потом рас-
свело окончательно, и день вступил в свои права. Веревка выглядела потрепанной, но все еще
целой. Алька устала. Во рту стоял отчетливый привкус крови. Челюсти слушались плохо.

Положив голову на лапы, она закрыла глаза.

Сейчас, сейчас вот немножко так полежит. Отдохнет. И будет грызть дальше. Только
потом. Потому что сейчас сил уже нет. И больно. И челюсти сводит...

И кто-то идет. Приближается. Все слышнее его шаги...

Осторожно, чтобы не натянуть веревку, приподняв голову, собачонка оглянулась на звук.

Двое.

Они нашли ее?! Нашли?! Это те самые двое, которые ее поймали?

Забыв об усталости, она забилась, задыхаясь в мертвой хватке веревки на шее. Метаться,
уворачиваться – что угодно, лишь бы не схватили, не поймали...

Сверху упала куртка. Пока собачонка выбиралась из-под куртки, поверх одежды навали-
лась тяжесть. Крепкие руки схватили ее через ткань, лишая возможности укусить.

«Я держу ее, держу, давай, режь!» – выдохнул незнакомый человеческий голос.

Еще одна рука подхватила веревку на шее собаки. Алька зажмурилась от страха...

Удушающая хватка нейлона усилилась, а потом пропала. Совсем.

«Все, перерезала, отпускай!» – сказал второй голос. Женский.

Первый человек посадил собачонку на землю и снял с ее спины куртку. «Беги, дурында!
И больше не попадайся».

Часть 9. Решение

Двое людей, мужчина и женщина, уходили прочь, разговаривая между собой. А мохнатая собачонка смотрела им вслед, прячась в кустах.

Это были удивительные люди. Не такие, как те, что окружали ее теперь. Это были люди из прошлого. Из того прошлого, где незнакомый человек мог ее погладить, сказать доброе слово. Эти люди ее спасли. Спасли просто так, потому, что она попала в беду. Спасли и ушли.

Крадучись, прячась, она следовала за ними на расстоянии.

«Позовите меня! Позовите! Покажите, что к вам можно подойти! И я пойду с вами!» – хотела сказать им она. Но боялась. Слишком боялась. Слишком долго не могла решиться.

Они дождались автобуса, сели в него и уехали. Уехали...

Вернутся ли они? Вова уезжал на автобусе, потом возвращался. Может, стоит подождать их на остановке? Обычно, люди возвращаются вечером. А сейчас еще только утро.

Забравшись под скамейку, она свернулась, положив голову на лапы.

День, дождливый и противный, тянулся медленно, безобразно медленно. Иногда редкие прохожие заходили на остановку. Некоторые садились на скамейку, не обращая внимания на собаку. Некоторые опасливо косились и не решались сесть. Один ребенок отдал Альке свою булочку. Вкусную сладкую булочку с ореховой посыпкой... почти не надкусанную... такую мягкую, что она смогла ее съесть несмотря на боль в израненных деснах. Сердитый старичок с палкой прогнал с остановки, но, когда он уехал, Алька вернулась на свой пост под скамейкой.

Постепенно начало смеркаться. Она ждала. Люди, которых она ждала, не приходили.

«Я не могу вернуться назад. Меня снова поймают. И сделают то же, что с теми кошками. Надо ждать! Они обязательно вернуться!» – твердила она сама себе. Но сама же все меньше верила в свои слова.

Ночь пришла вкрадчиво, Алька даже не сразу поняла, что и день, и вечер закончились. Просто небо окончательно потемнело, а с дороги пропали почти все машины.

«Не пришли. Не вернулись. Не забрали с собой... почему?»

Она не испытывала обиды. Эти люди ничего ей не обещали. Но она пыталась понять, почему люди, которые ее спасли, исчезли из ее жизни, не сказав ни слова.

«А может быть, они как раз на этом автобусе и возвращались? И уехали домой, спать там, у себя дома? Люди ведь всегда возвращаются на ночь домой. Я тут их жду, а они дома спят, и не знаю, что я их жду».

Почему-то эта мысль сделала мир чуть более приятным. Ее никто не отвергал. Это была хорошая мысль. Как раз такая, с которой приятно засыпать.

Утро пришло с топотом множества ног. Люди набились на остановку, прячась от дождя. Их было много, больше десятка.

Автобусы забирали людей, а вместо них приходили все новые и новые. И все куда-то уезжали.

На лохматую черную собачонку, которая тихонько лежала, свернувшись под скамейкой, никто не обращал внимания.

А она смотрела. Смотрела и думала.

Все эти люди куда-то едут. Куда-то. Туда, куда уехали те двое, что спасли ее.

«Чего разлеглась?» – задиристо выкрикнул с рук незнакомой женщины небольшой ярко-рыжий песик.

Алька задумалась, что ему ответить. Но женщина поднялась по ступеням очередного подошедшего автобуса и уехала, прервав так и не начавшийся разговор.

Уехала. С собакой.

Алька и раньше видела, что люди иногда заходят в автобус с собаками и кошками.

Интересно, а без людей собаку в автобус пустят?

Хотя... можно же схитрить. Вот этот человек выглядит спокойным. Он сел на скамейке прямо над тем местом, где лежала Алька и не прогнал ее. А что если сделать вид, что она с ним?

«Помоги мне отсюда уехать, не прогоняй от себя!» – попросила она, когда человек встал и направился к автобусу.

Человек не обернулся, не позвал за собой, но и не прогнал. Значит, можно?

Восхищаясь собственной смелостью, мохнатая собачонка прошла следом за незнакомцем в набитый людьми салон и тут же нырнула под одно из кресел.

Вот тут, никому не мешая, она и будет сидеть, пока не окажется в другом месте. И, каким бы это место ни оказалось, это и будет ее новый дом.

Часть 10. Большой Город

В автобусе было жарко и душно. Множество запахов смешивалось вместе, в один непонятный, тяжелый и назойливый. Люди были недовольны, вертелись, елозили, все время шевелили ногами.

Забившись под кресло, стараясь держаться как можно дальше от непрерывно шевелящихся человеческих ног, черная мохнатая собачонка терпела. Терпела и ждала конца поездки.

Собаки, которые летом жили в соседских дворах, а зимой – в таинственном месте, именуемом Большой Город, рассказывали, что автобус приезжает в другое место, и из него выйдут люди. Но ехать надо долго.

Алька не подозревала, что настолько долго. Но теперь поздно было отказываться, назад ей уже не вернуться. Да и куда возвращаться? В нехорошее место, где она попала в ловушку и чуть было не стала добычей людей, которые убивали кошек? На озеро, где ее может поймать Вова? Или к самому Воле, в дом, пропитанный предсмертными страданиями и плачем?

Нет уж. Она будет лежать тут. И ждать. И выйдет вместе со всеми этими людьми в новом месте, и начнет там новую жизнь.

То впадая в оцепенение от духоты и жары, то приходя в себя, она ждала. Ждала, ждала, ждала... и дождалась.

Множество ног одновременно двинулось к выходу. Люди покидали автобус.

Подождав, пока толпа выйдет, Алька выскользнула следом.

«Вот оно, новое место, то самое, которое собаки звали „Большой Город“, сейчас увижу огромные дома...»

Но вместо домов были люди. Много, много, невероятно много людей, которые быстро шли куда-то по своим делам. Бесконечный поток движущихся ног.

Алька попыталась уступить дорогу одному человеку, и тут же чуть не попала под ноги другому. Испуганная, сбита с толку, она металась, пытаясь избежать столкновения, пока, наконец, не выбралась на траву.

Газон. Газоны она уже видела. На газоны люди почему-то не ходят. Хотя на газоне лучше, чем на дороге: там травка.

Вот на этой травке она и устроилась, пытаясь прийти в себя. Духота и жара в автобусе не прошли для нее даром, во рту пересохло, язык казался большим и шершавым.

Лежа на газоне, собачонка слизывала с травы капли воды, чтобы хоть как-то заглушить мучительную жажду.

Жажда никуда не делась, но дышать все-таки стало легче. Усевшись на траву, собачонка, наконец-то, осмотрелась.

Забор. Длинный забор, над которым возвышаются кроны деревьев. А дальше...

Он был кирпичным. И, наверное, он был домом. Потому, что как еще назвать такое большое и кирпичное, с таким множеством окон, она не знала.

Огромный, до самых облаков. Наверное, они цепляются за его крышу. И еще один такой же. И еще. И еще. Сколько же их тут?!

Притихнувшая от величия открывшегося зрелища, она просто сидела и вертела головой. Дома, дома до самых облаков...

«Эй, ты чего тут расселась?» – окликнул ее незнакомый голос.

Сжавшись от страха, стараясь выглядеть маленькой и покорной, она обернулась.

Он стоял почти рядом. Огромный, могучий, прекрасный, грозный...

Склонив голову, он понюхал сжавшуюся от страха собачонку.

«Девочка. Хорошая девочка?»

«Хорошая, очень хорошая!» – горячо заверила его Алька.

«Хочешь в мою стаю?»

В стаю! В стаю с эти великолепным могучим красавцем!

«Хочу! Конечно, хочу!»

«Пойдем».

Пес развернулся и потрусил прочь, не оборачиваясь. Ему и не надо было оборачиваться. Тяжелое дыхание измученной жаждой Альки было слышно издалека.

«Пить, небось, хочешь?»

«Хочу».

«Хорошо. Покажу, где».

Впервые за долгие-долгие дни черная мохнатая собачонка не чувствовала себя одинокой и незащищенной. Так же, как когда-то следовала за человеком по имени Вова, шла она теперь за этим прекрасным могучим псом. Она не знала его имени, но это было неважно. Она уже любила его и верила ему безгранично.

Часть 11. Новые знакомства

Как же, оказывается, плохо быть одинокой! Как хорошо, что это закончилось!

Черная мохнатая собачонка жадно пила из лужицы и косилась краем глаза на огромного рыжего пса, который лежал неподалеку. Лежал. И ждал. Ждал ее!

Стая. Ее стая. Теперь она – часть стаи. Она больше не одна, с ней всегда-всегда будут другие собаки.

Ради этого стоило проделать страшный и тяжелый путь на автобусе из поселка в это незнакомое, странное место с огромными домами.

Она молодец. Добралась сюда и нашла себе стаю.

«Напилась?» – уточнил рыжий красавец.

«Ага. Еще бы поесть бы...»

«Идем, познакомлю кое с кем».

Все так же покорно, но куда более бодро, она двинулась за своим новым знакомцем. «Кое кто», это, наверное, остальная стая. Их будет много. Много собак – настоящая сила!

Вот сейчас, сейчас она увидит...

Но это же не собаки! Точнее, почти все – не собаки. Кроме одного серого пса.

«Это Шарик. И Хорошие Дети. Запомни их. Этим доверять можно. А другим – нельзя, тут еще и Нехорошие Дети есть. Опасные».

«Дети, это детеныши людей, а люди все опасные», – хотела ответить Алька. Но вспомнила как двое незнакомцев спасли ее от веревки на шее.

Наверное, рыжий пес прав...

«Друган! Друган пришел!» – радостно крикнул кто-то из детей.

«А с ним еще собака! Собака черная!»

Это уже было когда-то в ее жизни. Было, и не раз. Дети, радостно крича, подбежали к ней, окружили, начали гладить, тискать, обнимать.

Кто-то неожиданно прихватил за хвост и заглянул под него.

«Ты чего, ты чего делаешь?! Люди там не нюхают!» – всполошилась собачонка.

«Это девочка!» – радостно сообщил хвостохвататель.

«Я знаю, что я девочка, хвост не трогай!» – обиженно пробурчала собачонка, прячась за рыжего пса, которого дети называли Друган.

«Надо имя ей придумать».

Дети начали обсуждать что-то свое, человеческое, не совсем понятное. А серый пес, наконец, подошел и обнюхал ее.

Он был большим. Не таким большим, как Друган, но тоже больше Альки.

«Вот и вся моя стая. Ты и Шарик. Нас трое. Хорошоооо!» – протянул довольный Друган.

«Хорошо», – согласилась она. – «Только есть хочется...»

«Тоже хочу. Пойдем к бакам, Друган?» – поддержал ее Шарик.

Втроем, оставив детей обсуждать непонятные человеческие вопросы, они отправились прочь, петляя между огромными домами.

Мусорные баки оказались недалеко. Большие, металлические, заманчиво пахнущие...

«Еда, еда, еда!» – только сейчас осознав, как же голодна, Алька бросилась к этим источающим аромат огромным железным кубам и запрыгнула в один из них.

Она вертелась, нюхала, гребла лапами, рвала пакеты, пока не наткнулась на почти не обглоданную куриную спинку.

«Вот сейчас наемся, и все будет совсем замечательно...»

Ожидая аппетитного хруста тоненьких косточек, собачонка сжала челюсти... и, жалобно взвизгнув, выпустила свою находку.

«Ты чего, спасать надо?» – уточнил Друган.

«Я... не могу есть! Больно...»

«Совсем не можешь? Это плохо. Или в тенечке полежи, потом попей!»

Обескураженная и несчастная, собачонка выбралась из бака и устроилась рядом, на газоне.

Двое псов, рыжий и серый, вытаскивали из мусорного бака пакеты и разрывали их в поисках еды. А она смотрела на них.

Если она не сможет есть, что с ней будет? Неужели все вот это – новое хорошее место, где можно жить, стая, дети, которые уже любят ее, – просто подарок на прощание, чтобы не так обидно было умирать?

Часть 12. Птичий хлеб

Черная мохнатая собачонка пила. Жадно пила прохладную воду из лужи, пытаясь заглушить голод. А два пса стояли рядом и с тревогой на нее смотрели.

«И что, совсем не можешь есть?» – сочувственно уточнил рыжий гигант Друган?

«Не могу. Больно», – грустно подтвердила Алька.

«А когда последний раз ела? И что?»

Собачонка задумалась. Ведь было же что-то... вкусное было, хорошее, мягкое...

«Булочка! Мне дали булочку, и она была такая мягкая, что я смогла ее съесть, было почти не больно!»

«Булочка... это же хлеб?» – вмешался доселе молчавший Шарик.

«Хлеб, да...»

«А тебе птичий хлеб не подойдет? Он тут есть неподалеку».

«Тут есть хлеб? Где?!»

Как же она хочет есть! При одной мысли о мягком хлебе, который можно жевать даже таким израненным ртом, этот самый рот наполнился слюной.

«Идем, покажу».

Хлеб! Мягкий хлебушек! Мягкий-мягкий-мягкий... Наконец-то она поест!

Предвкушая сладковатый вкус во рту, она семенила за новыми друзьями. Вот сейчас, сейчас...

Хлеб лежал на железной крышке канализационного люка. Большая горбушка батона и еще несколько ломтиков рядом. Счастливая, Алька схватила горбушку...

Черствая! Черствая как камень.

«Ну, как?» – заботливо поинтересовался Шарик.

Она хотела ответить: «Он черствый, я не могу это есть!»

Но для того, чтобы ответить, нужно было выпустить изо рта горбушку. Черствую несъедобную горбушку... свою последнюю надежду.

Молча сжав жесткий хлеб зубами, она прижала к нему язык и ощутила слабый сладковатый привкус белого хлеба.

Нет уж. Теперь она его не выпустит. Будет ходить так и трогать языком.

Так она и трусила за своей новой стаей, сжимая челюстями заветную горбушку, прижав к ней язык.

Чуть-чуть, совсем немного вкуса... хоть что-то...

Дети подбежали к ним неожиданно.

«Сейчас будут меня тискать. Еще и в пасть полезут!» – мрачно подумала Алька.

И осознала, что не хочет, чтобы ее тискали.

Молча развернувшись, она потрусилась прочь.

«Кристя! Кристя, Кристя, иди сюда! Сюда, Кристя!» – кричали за спиной детские голоса.

Алька так и не поняла, кого они зовут. Во дворе есть еще собака?

Не важно, потом спросит у своей стаи. Сейчас она хочет побыть одна.

И еще она хочет пить. Сильно хочет. Не получилось поесть, так хотя бы еще раз попьет.

Вернувшись к луже, собачонка бросила свою горбушку прямо в воду и начала жадно лакать.

Прохладная вода холодила горячие саднящие десны, это было приятно. Очень-очень приятно.

Напившись, она устроилась рядом с лужей, грустно глядя на горбушку.

Когда-то это был хороший вкусный мягкий хлеб. Он бы спас ее... когда-то...

Этот день был тяжелым. Очень, очень тяжелым. Нет, это хороший день. Она нашла новый дом, она обрела стаю. Но как же устала...

«Вот ты где! А свой хлеб так и не съела?»

Откуда тут Друган? Почему уже вечер? Она же только глаза прикрыла.

Вяло поднявшись, собачонка дошла до лежащего в луже куска хлеба и взяла его в зубы.

Поднять горбушку не получилось.

Ставшая водянистой и хрупкой, она просто развалилась.

«Размокла! Моя горбушка размокла!» – поняла она. – «Теперь я смогу ее съесть!»

Она жадно отрывала размокший хлеб. Кусок за куском. Его даже жевать было не нужно. Немного размять, и можно глотать.

«Так ты все это время ждала пока он размокнет? А ты умная!» – похвалил ее Друган.

Это было прекрасно. Она ела, с удовольствием отщипывала и глотала водянистый на вкус хлебный мякиш и слушала как целых два больших красивых пса восхищаются ее сообразительностью.

«Не скажу им, что у меня случайно получилось. Пусть думают, что сама догадалась!»

Часть 13. Грехопадение

Теперь она знала, что делать, чтобы не остаться голодной. Нужно всего лишь собирать по газонам птичий хлеб (интересно, почему люди его туда выкладывают), относить к луже и ждать, пока достаточно размокнет, чтобы не терзать ее израненные десны.

Да, вкус был водянистый. Да, она не наедалась. Но это было лучше, чем ничего.

Остальные члены стаи не считали размоченный хлеб достойной трапезой. И это было прекрасно! Не нужно было сторожить и прятать свою еду, опасаться, что отберут. Достаточно просто выложить в воду, отправиться по своим делам, а потом вернуться и съесть.

Так она и скиталась по дворам, постоянно думая о еде и ища, чем отвлечься от навязчивых мыслей.

Иногда удавалось встретить детей. С ними можно было неплохо провести время. Главное, помнить, какие дети Хорошие, а какие – нет.

По словам Другана, некоторые из детей могли причинить боль просто так, без причины. Она не сомневалась в его словах: жизнь в Нехорошем Месте научила ее тому, что люди способны творить страшные вещи. Настолько страшные, что лучше избегать тех, кто способен на такое.

Зато с Хорошими Детьми было весело. Она, правда, не сразу поняла, что нет во дворе еще одной собаки, и именем Крестя дети называют ее. Но когда разобралась, была рада. Новое имя словно освобождало ее от прошлого, в котором был Вова и дом со двором, в котором страшно погибли ее щенки, а она не смогла их спасти.

Это все случилось с другой собакой. С Алькой. Крестя тут совершенно ни при чем.

Нагулявшись, она возвращалась к луже и проверяла, насколько уже размок хлеб. Если достаточно – ела его.

Боль утихла неожиданно. Вечером десны еще болели, а утром уже нет.

Она поняла, что может есть не только хлеб. Она поняла, что голодна. А еще она поняла, что хлеб, это не еда.

А ей нужна еда. Сочное сытное мясо. Прямо сейчас.

И это мясо нужно добыть. Добыть как можно скорее...

Потянувшись, она отправилась на поиски еды. Если повезет, в баке окажется что-нибудь достойное.

Первый бак пах Друганом и Шариком. Значит, эти двое здесь уже побывали и выели все вкусное.

Второй бак – тоже. И третий.

«Они обошли все баки. Мне ничего не осталось...»

Это было обидно. Это было еще обиднее потому, что она наконец-то может есть. А есть нечего: всю еду съели без нее.

Но ведь раньше она могла и по-другому себя прокормить.

Здесь водятся крысы. Она видела их, чужла их запах. Не самая сытная добыча. Не самая вкусная. Но это еда!

Пришло время вспомнить старые навыки и поохотиться.

Пригнувшись, насторожив свои большие чуткие уши, принохиваясь на ходу, она трусила вдоль домов, пытаясь найти место достаточно хорошее для охоты.

Слишком шумно. Слишком много людей вокруг. Крысы не любят такой шум и гам. Скорее всего, они затаятся и вылезут только ночью, когда улицы опустеют.

Они вылезут ночью... а голод терзает ее прямо сейчас...

Может быть, стоит все-таки проверить мусорные баки? Вдруг псы наелись и оставили что-то хорошее для нее? А может быть кто-то из людей принес что-нибудь вкусненькое уже после того, как они ушли.

Подпрыгнув, собачонка ловко забралась на край бака. Пакеты, пакеты, пакеты. Целые и разорванные...

И шаги.

Шаги человека.

Ловко выскользнув из бака, Кристия за ним же и спряталась, наблюдая за приближающимся человеком.

Женщина.

Что-то несет.

Может быть, это что-то сгодится для того, чтобы утолить голод одной небольшой собачонки?

Ближе, все ближе и ближе...

Человеческие шаги и писк. Испуганный и бестолковый писк.

Что несет эта женщина? Кого она несет?

Запах. Запах удалось учуять не сразу – ароматы мусорного бака забивали его до последнего момента.

Кошки!

Маленькие кошки, котята.

Женщина несет на помойку корзину котят. Зачем?

Женщина подошла поближе к баку и открыла корзину. После чего просто выкинула котят. Вытряхнула из корзины, закрыла крышку и ушла.

Маленькие кошачьи детеныши бестолково кружили на месте, звали маму писклявыми голосами.

А Крестя вспоминала других котят. Совсем других. Тех, которые были уже не живые или почти не живые.

О, как прекрасно утоляли они ее голод...

И эти... котята... тоже могут... быть едой...

Поймать удалось только одного, остальные в ужасе забились под мусорный бак, слишком низкий для того, чтобы даже голову туда просунуть.

Спрятавшись от людских взглядов, она жадно пожирала свою добычу. Тревожный голос где-то внутри говорил ей, что она сделала нечто запретное, нечто такое, за что люди будут ее ругать. Возможно, накажут.

Но сейчас это было неважно. Наконец-то, впервые за много дней, она ест настоящую еду, а не размоченный в луже хлеб.

Часть 14. Искусительница

Теперь ее жизнь разделилась на день и ночь.

Днем она ходила вместе со стаей, искала, чем поживиться в мусорных баках. Друган и Шарик были сильнее, но она – ловчее. И нюх, как оказалось, у нее был лучше. Приходилось, конечно, немало отдавать более сильным товарищам по стае, но и самой кое-что перепадало.

А с наступлением ночи люди исчезали с улиц и начиналась другая жизнь. И в этой жизни она была одна. Оставив свою стаю, Кристия отправлялась на охоту.

На газонах можно было найти неосторожную мышь или ящерицу. Вокруг мусорных баков шныряли крупные крысы.

Все это было добычей, на которую можно было охотиться. А охотиться она умела. И любила.

Обычно за то время, пока Кристия охотилась, ее стая никуда не уходила с лежки. Сонные, они обнюхивали ее морду.

«Опять крысу поймала? Зачем? Мы же днем ели...» – сонно бормотал Друган.

«Это вы ели, это вам хватило. Потому, что у меня отбираете», – хотелось ответить Кристе. Но не стоило, не стоило так поступать. В стае она самая слабая, у нее меньше всех прав. Но это ее стая, без них она останется одна.

Зато теперь можно втиснуться между двумя большими могучими телами, и дремать между ними, ощущая теплые крепкие бока, понимая, что никто и никогда не подберется незаметно и не причинит ей зла.

Еще бы еды побольше...

«Побольше еды» появилось через несколько дней. Этот запах – запах женщины с корзиной котят – Кристия узнала сразу. Значит, снова приходила на помойку?

Крадучись, чтобы не спугнуть возможную добычу, она пробралась к бакам. И уже на подходах услышала писк.

«Значит, она опять котят принесла? Эта женщина приносит котят на помойку?»

Кристия не понимала, зачем человек так поступает. Ей всегда казалось, что люди благосклонны к кошкам. Но те двое, в Нехорошем Месте, тоже не были к кошкам добры... Надо опасаться эту женщину.

Те двое в конце концов поймали саму Кристию. Вдруг и эта женщина опасна? И все же, все же... стоит искать ее запах. Вдруг она придет со своей ношей еще раз?

Добычу Крестя оттащила подальше, забралась под балкон соседнего дома, чтобы насытиться без опаски.

«Ты что это делаешь?!»

Голос Другана прозвучал неожиданно. Когда он успел подойти?

«К-кушаю... добычу свою кушаю», – испуганно ответила собачонка.

«Но это же... кошка!»

«Ну... да... маленькая только».

«Люди будут ругаться. Сильно ругаться. Кошек трогать опасно, люди за это могут накачать!»

Он сказал «будут ругаться люди». Он сказал «опасно». Но он не сказал...

«Ты не сказал „нельзя“,» – вкрадчиво пробормотала Крестя. – «Значит, можно. Но так, чтобы люди не узнали».

Большой пес выглядел озадаченным.

«Если все сделать ночью, когда люди спят, они не узнают. Ничего не узнают. А к утру я все уже съем. А что не съем, подберут крысы. Не беспокойся, никто не будет ругаться. И не накажет».

Друган, который не знает, что ответить, выглядел даже забавно. Крестя не посмела смеяться, но получила немало удовольствия от его растерянного вида.

«Слушай... а так можно было что ли?»

«Ну... можно, наверное. Если хорошо прятаться и не попадаться», – уже уверенно ответила она.

«А это вкусно? Дай попробовать!»

Уступать добычу было жалко. Но спорить с Друганом за еду Крестя не посмела.

«Есть можно. Но мало...» – вынес вердикт пес.

«Потому что взрослую кошку я одна не поймаю. А котята маленькие и без присмотра гуляют редко».

«Пошли в лежку, нам тебя не хватает. С тобой уютнее».

Ради этих слов Крестя была готова простить не только сожранную добычу.

Ее не хватает. Она нужна. Друган искал ее не потому, что хотел отнять добычу, а потому, что рядом с ней ему лучше, чем без нее.

Друган тоже думал. Думал о том, что эта небольшая робкая черно-рыжая собачонка полна удивительных и пугающих знаний. И знания эти могут принести пользу его маленькой стае.

Часть 15. Власть Кристи

Она проснулась первой и сразу поняла: этот день особенный. Начинается ЕЕ время. Ненадолго, правда. Но зато прямо здесь и сейчас.

Не оглядываясь, не пытаясь разбудить и позвать за собой спящих псов, Кристия потрусила проверять мусорные баки. Сами найдут, засони. Теперь они никуда от нее не денутся.

Цепочка одуряюще пахнущих маленьких капелек отмечала ее след, словно расставляя ловушку для любого пса, который пройдет мимо. Запах... запах, дающий власть.

Добыча была невелика – пакет с рыбьими костями и корочки от сыра. Но как довесок к пойманной ночью и съеденной крысе это было неплохо. И вкусно, к тому же.

Сытая, довольная, она устроилась на газоне, томно растянувшись во всю длину своего небольшого ладного тела. Ну же, засони, ну же...

Первым появился пряткий Шарик.

Еще вчера – нахальный и властный, сейчас он двигался осторожно, почти замороженно...

«Криииистя... а тыыыы... такая... слааадкая...»

Сделав вид, что ей неприятны слова приятеля, она поднялась и двинулась прочь, огрызаясь, когда его нос оказывался слишком близко к ее хвосту. Еще вчера она не посмела бы огрызнуться на большого и сильного Шарика. Но сегодня... сегодня все было иначе. Сегодня главная – она и решает тоже она. А Шарик может или принять это, или убираться. Но он никуда не уйдет. Значит, примет ее недолгую власть.

У нее не было никакой цели, она просто бродила по знакомым улицам. И следом, словно привязанный, брел серый красавец Шарик.

Друган появился неожиданно. Выскочил из-за угла – огромный, взъерошенный, грозный.

Кристия привыкла к вальяжному и уверенному в себе псу, он внушал доверие и чувство безопасности. Этот же, новый Друган, ужасал своей мощью. Даже осознание власти не помогло, сжавшись от страха она попыталась спрятаться за Шарика.

«Моя! Моя! Это я ее нашел и привел!» – прорычал огромный рыжий пес.

«Нет, моя! Я ее первый встретил утром!» – ответил неожиданно хриплым и страшным голосом Шарик.

Кристия поняла: сейчас начнется. Сейчас эти двое сойдутся в поединке. Ради нее.

Пригнувшись, она отбежала подальше, чтобы не получить шальной укусы от разъяренных бойцов. Подальше, но не настолько далеко, чтобы лишиться возможности наблюдать схватку своих воздыхателей.

Они были великолепны. Друган – огромный, могучий, со страшными клыками в пасти, – наступал, пытаясь прихватить противника за шкуру, заставить его склониться, подчиниться, отступить. Шарик – ловкий, верткий, стремительный. Он мельтешил вокруг Другана, уворачиваясь от его могучих челюстей, нанося короткие быстрые укусы и сразу отступая.

Еще недавно в, самом начале поединка, она хотела, чтобы победил Друган. Она не сомневалась в его победе, ждала ее, чтобы уйти с ним вместе.

Но чем дольше длилась схватка, тем с большим уважением Кристя смотрела на Шарика.

«Даже если он проиграет, я его тоже потом найду и подпущу к себе. Он прекрасен, он держится против Другана!»

Эта мысль была приятна. Они все трое – Стая. И сейчас они тоже будут стаей, несмотря ни на что. Кристя объединит соперников, объединит собой. Но потом. Когда выяснят кто сильнее.

Шарик все-таки отступил. Недовольный, все еще грозный, он убрел в проулок, из которого появился Друган.

«Никуда не денется, найдет меня, когда буду одна. Уж я-то знаю!» – усмехнулась Кристя, глядя ему в след. И тут же спрятала усмешку, скрывая чувства от великолепного, полного триумфа Другана.

Сейчас, здесь и сейчас она с ним. С победителем. Но не сразу. Пусть добьется ее расположения, убедит ее, что это нужно ей, а не ему.

«Что-то мне пить захотелоооось. Там вроде лужа былааааа».

Небольшая, черная, лохматая, она казалась игрушечной рядом с огромным рыжим красавцем. Но сейчас она решала, куда они пойдут и что будут делать. Только она.

Ускользнуть от Другана было не сложно. Он оказался не таким навязчивым, как некоторые из прежних кавалеров Кристи. Это было приятно. И в этом, пожалуй, был весь Друган: спокойный, вальяжный и уверенный, что весь мир подождет лично его, если понадобится.

Шарик ждал ее. Впрочем, она знала. Знала, что он появится, как только Друган окажется достаточно далеко.

Сейчас они оба думали только о ней, о Кристе. Жили мечтой о ней, ее манящим запахом.

Не они одни, конечно. Немало псов, живущих с людьми, тоже с удовольствием пошли бы за ней, но люди их не пускали. И это было прекрасно. Слишком большая стая воздыхателей Кристе никогда не нравилась. Двоих, которых она хорошо знает, вполне достаточно.

Скоро, очень скоро их общество начнет тяготить ее. Так всегда бывает. Это значит, что кончается ЕЕ время и скоро жизнь станет прежней, такой, какой была раньше.

Но сейчас... сейчас за ней следует Шарик. Следует и ждет разрешения приблизиться. Прекрасный, ловкий и такой услужливый...

Это была прекрасная игра. Ускользать то от одного, то от другого пса, а потом позволять им находить себя. Она старалась, она лавировала, чтобы больше не допустить встречи и поединка своих кавалеров. Все, что было нужно, они показали ей в тот, первый день.

Часть 16. Примирение стаи

Завершилась игра, как всегда, внезапно. Еще недавно присутствие кавалеров доставляло Кристе удовольствие, тешило ее самолюбие. А теперь начало раздражать.

Шумные. Такие шумные, неуклюжие, навязчивые. Все время вертятся вокруг, пристают. Мешают. И пищу искать в баках мешают, и охотиться мешают.

Кристя знала, что означают эти чувства. Нужно уйти. Уйти на какое-то время, пока ее запах не станет прежним. А потом вернуться и делать вид, что этих нескольких дней просто не было.

Ночная охота – отличный способ скоротать время. А утром она втиснется между двумя могучими телами, утомленными любовной горячкой последних дней, и отоспится между ними в неге и уюте.

В уюте уснуть не получилось. И Друган, и Шарик спали неподалеку друг от друга. Но не рядом. Чудесное, теплое и безмерно важное ощущение единства пропало. Это были два пса, просто два пса. Не стая.

Это было почти больно. Ее маленький уютный мирок рухнул.

Тихо заскулив, Кристя легла между псами. Между, но не рядом.

«Чего хнычешь?» – недовольно проворчал сонный Друган.

«Одиноко. Холодно. Хочу лежать рядом», – честно начала она.

И не смогла закончить. Что она должна сказать дальше? «Рядом со своей стаей»? Но стаи-то и нет.

«Ну так ложись рядом!»

«Не могу...»

Она лежала и грустными глазами смотрела в медленно светлеющий сумрак.

Как же было раньше хорошо! И как же плохо стало сейчас.

Еще недавно она бы нашла их лежащих вместе. Втиснулась бы между могучими мохнатыми телами и задремала, защищенная со всех сторон.

А теперь...

Друган тяжело поднялся, подошел и обнюхал ее морду.

«Крысу поймала, да?»

«Да. И еще ящерицу и двух мышей».

«Хорошая охота. Удачная».

Огромное рыжее тело тяжело опустилось рядом. Шумно вздохнув, Друган привалился к ней боком.

«Хорошо с тобой. Лучше, чем без тебя».

Это были прекрасные слова. Самые лучшие на свете.

Шарик, который все это время притворялся спящим, тоже поднялся.

«Бок подмерз чего-то. Об тебя погреюсь».

Гибкий и ловкий, Шарик и лег вовсе не так, как могучий матерый Друган. Бесшумно и мягко, словно не спать собрался, а охотиться.

«Ты теплая. И пахнешь хорошо. Будь тут всегда!»

Что-то чудесное, неуловимое и безумно важное почти вернулось в их маленький мирок. Почти, но не до конца. Сейчас эти двое еще не были единым целым, не были стаей. Они всего лишь перестали сторониться друг друга. Стоит Кристе подняться и отойти, и все, возрождающееся единство рухнет.

Нужно сделать что-то. Что-то важное. Что-то такое, что объединит их заново.

«Ребяята... вы такие хорошие», – вкрадчиво протянула она. – «А хотите, завтра все вместе на охоту пойдем?»

«А давай!» – вильнул хвостом Шарик.

«Пойдем, ага», – сонно отозвался Друган.

Что ж, начало положено, они согласились идти с ней. Оба.

Теперь осталось выследить и найти добычу, достойную охоты целой стаи. И тогда, на этой охоте, они снова станут прекрасным и единым целым.

Часть 17. Ужасный кот

Утро выдалось урожайным, еды хватило всем, даже Кристе.

Довольные, в кои-то веки по-настоящему сытые, собаки забрались под козырек подъезда, чтобы скрыться от морозящего дождика, и устроились там поуютнее.

Сначала они услышали вой. Вой был громок и наполнен безумием.

«Отдааааай! Отдаааай! Она мояяяя! Мояяяя!»

Потом к вою добавился звук моторов и повизгивание тормозов.

Рывками, словно спасаясь бегством от кого-то, между домами петляла машина. Она разгонялась и резко, воя тормозами, разворачивалась, дрифтует на поворотах, как будто пыталась что-то стряхнуть с себя. Что-то... или кого-то...

Кто-то, завывая, цеплялся за машину сзади. И, похоже, люди, сидящие в машине, спасались от этого кого-то в ужасе.

Затихнув, собаки наблюдали, как несется автомобиль, как проносится мимо...

Наконец-то они увидели, кого так сильно испугались люди.

Это оказался... кот?

Серый кот, не самый большой, хоть и матерый.

Вцепившись в задний «дворник» машины, он пытался прорваться внутрь через стекло и выл, выл, рычал, требуя ему вернуть что-то, что считал своим.

Очередной резкий поворот...

Хруста они не слышали, его заглушил вой кота.

Вой, который неожиданно прервался.

Машина без «дворника» нырнула между домами и исчезла.

Неподвижный кот остался лежать на газоне, все еще сжимая в лапах «дворник».

Медленно, крадучись, троица собак приблизилась к коту.

Его глаза были открыты. Они были зелеными. Зелеными и безумными. Казалось, этот кот смотрит сейчас куда-то туда, откуда обычно не возвращаются. Смотрит и видит все, что там происходит.

Этот взгляд был страшен. Такого Кристя не видела ни у кого. Даже люди не смотрели так ужасно.

Шарик, вдруг потерявший интерес к коту, старательно и показательно обнюхивал основание фонарного столба, стоявшего неподалеку.

Друган, пригнувшись, осторожно сделал шаг к полосатому телу.

Лапа кота дернулась и заскребла по земле, выпустив когти.

«Мояяаяя...» – завыл он тихим басом.

Это был совсем неправильный кот. Неправильный и очень опасный.

И Друган прямо сейчас собирается обнюхать его. Поднести к неправильному коту самую уязвимую часть – морду с глазами.

«Друганчик, миленький, не надо, не подходи к нему! Это неправильный кот!»

Пес удивленно уставился на собачонку. Всегда тихая и покорная, Кристя никогда, никогда с ним не спорила.

«Не ходи, Друган, не надо. Он тебе глаза вынет! Что мы тогда без тебя делать будем?»

Одурев от ужаса, Кристя вертелась вокруг могучего рыжего пса, ластилась к нему, прижимаясь боками, и потихонечку оттесняя от страшного кота.

Она самом не понимала, чего боится. Но хорошо понимала, что спасает Другана от чего-то по-настоящему ужасного. Такого ужасного, что даже люди спасались бегством вместо того, чтобы выйти из машины и просто прогнать безумного кота.

«Друган, не надо к нему подходить. Неправильный это кот. Пойдем лучше в парк!» – поддержал Кристю Шарик.

«Да, в парк, в парк, там голуби!» – наигранно обрадовалась Кристя, продолжая путаться под ногами у Другана и оттеснять его от кота.

«Ладно, идем в парк», – согласился озадаченный Друган.

Он не понимал, почему его товарищи так всполошились из-за какого-то кота. Его не пугал этот кот. Зато его сильно беспокоило поведение этих двоих. Что бы на них не нашло, виной тому эта полосатая тушка на газоне. Лучше уйти от нее подальше.

Часть 18. Допрос

Новый кот оказался странным. Не останавливаясь, он бродил по округе и что-то искал. Забирался на деревья и смотрел в окна домов. Иногда останавливался и звал, долго и протяжно звал кого-то по имени Лика.

Кристя не понимала, что происходит. Кот ей не нравился. Слишком странный, слишком неправильный. И этот жуткий взгляд тогда, когда он лежал на газоне... Друган говорил, что зря они с Шариком так перепугались, кот просто забыл закрыть глаза, когда терял сознание, вот и получилось странно. Но Кристя помнила этот взгляд – так нельзя смотреть просто по забывчивости.

Больше всего ей не нравилось, что кот время от времени забирался повыше и смотрел на нее и ее стаю. Осторожно, внимательно, терпеливо. Словно выжидал чего-то.

Кристя пыталась поделиться опасениями с товарищами, но ее не слушали.

«Ну что может сделать кот с собакой? Он же мелкий!» – легкомысленно ответил Друган.

«Трусиха ты. Заполoshная трусиха. Сама к коту не лезь, и он тебя не тронет», – покровительственно усмехнулся Шарик.

А кот продолжал следить. И Кристе все чаще казалось, что следит он именно за ней.

А потом она поняла – не казалось. Иначе почему бы кот прямо сейчас, нагло, вразвалочку, вышел к ней из кустов, бесстыдно глядя прямо в глаза. Нехорошим таким, тревожащим взглядом глядя.

«Эй, черная. Поговорить надо!»

Кристя знавала деревенских кошек. Кристя знавала кошек городских. Все они относились к ней с опаской – пусть и небольшая для собаки, Кристя была гораздо сильнее и больше любой из кошек. А этот... хам... недоеденный...

Такое нельзя спускать!

«Охренел, жратва самоходная?! Знай свое ме...»

Кот привстал на задние лапы и быстро, но сильно и больно ударил ее по носу. Когтями. Три раза подряд!

Это было больно. Это было страшно. Но еще страшнее были его зеленые глаза, которые неотрывно, прямо и жутко смотрели куда-то вглубь собачонки, в ту самую часть, которая боялась больше всего.

Она оказалась в ловушке. Сзади – угол, образованный двумя стенами, а прямо перед ней, зажимая Кристю в этот самый угол, стоял страшный кот.

Съежившись, зажмурившись от страха, она тихо проскулила:

«Что... ты хотел, кот?»

«Машину видела? На которой я сюда попал?» – властно уточнил кот.

Зачем ему это? Вдруг он сделает что-то страшное, если узнает, что видела?

А вдруг еще страшнее будет, если она скажет, что не видела? Ведь если кот спросил про машину, то, наверное, он что-то хочет узнать про нее...

«Видела...» – затравленно выдавила собачонка.

«Куда она потом делась?»

«На Большую Дорогу уехала».

Правильно не стала отпираться. Пусть идет искать машину и оставит ее в покое.

«А где эта Большая Дорога?»

Вот этого Кристя не ожидала. Где Большая Дорога, знают все... Хотя... кот-то не местный.

А, может, он уйдет к большой дороге искать машину, если узнает, как до этой самой дороги пройти? И оставит Кристю в покое.

«Вот вдоль дома в ту сторону. Потом еще вдоль дома, в ту же сторону. И еще. Когда все дома кончатся, будет Большая Дорога!» – быстро ответила она, стараясь объяснить все сразу и кратко, и доходчиво. Чтобы понял с первого раза и больше не задавал вопросы. Чтобы ушел от нее и унес с собой свои жуткие глаза.

«Лады. Я пошел. Бывай!»

Развернувшись, он пошел прочь, неторопливо, вальяжно, не оглядываясь, словно не собаку оставлял за спиной, а лягушку какую-нибудь. Безобидную.

Может, стоит прямо сейчас броситься на него со спины, схватить, придавить...

Только вот не дурак же он, понимает, что она – собака. Большая, сильная, зубастая.

Прыгнуть бы... пока не смотрит...

Саднящая боль в носу напомнила о трех оплеухах.

Нет уж. Пусть уходит. Он не глупый. Он просто очень, очень опасный. Такой опасный, что Кристя ему не враг.

Кот уходил прочь, уверенный в себе и страшный.

Черная напуганная лохматая собачонка смотрела ему вслед.

«Когда-нибудь... потом... я доберусь до него. И съем. И больше не буду бояться, совсем-совсем не буду. Никого!»

Часть 19. Предчувствие

Утром они обычно обходили мусорные баки. По утрам улов бывает хороший. Многомного людей уходит из своих жилищ по своим непонятным делам, и часть из них выносит пакеты с мусором и обедками и по дороге закидывает в баки.

Распугивая котов и крыс, небольшая стая искала, чем утолить свой голод. Кристя старалась держаться подальше от двух крепких больших псов: какими бы ни были они нежными и заботливыми на отдыхе, сейчас вполне могут отобрать найденную еду и съесть сами. Подальше, но не отдельно – ведь именно к ним она, если понадобится, побежит за защитой. Да и вообще, вместе как-то уютнее, спокойнее.

Так и получилось, что крики она услышала первой.

Кричал человек. Женщина. Кажется, одна из бабушек, которых Кристя видела на лавочках у подъездов. Кричала на детей – тех самых, которых Друган назвал Хорошими.

«Что там?» – уточнил Шарик, увидев, что Кристя застыла, насторожив свои большие чуткие уши и всматриваясь.

«На Хороших Детей кричит старуха», – ответила она, не оглядываясь.

«Плохо. Надо им помочь!»

Прежде, чем собачонка успела возразить, ловкое стремительное серое тело метнулось вперед.

«Не смей! Не смей! Нельзя!» – кричал Шарик, пытаясь отогнать большую сердитую женщину с палкой от детей.

«Друган, это плохо. Нельзя так делать. Его побьют и нам достанется!»

Рыжий пес, не слушая причитаний собачонки, уже бежал на помощь приятелю.

Выглядывая из мусорного бака, Кристя наблюдала как два крепких рослых пса отгоняют старуху от детей.

Ей было страшно. Очень страшно. С людьми ссориться нельзя. Люди сильнее и умнее. Они опасны.

Бабушка ушла, сердито оглядываясь на лающих псов, которых держали за шкуру дети.

Нехорошо это все. Очень-очень нехорошо. Но вмешаться она не могла. И того, что произошло, отменить уже не может. Зато, пока псы заняты, она может съесть все, что найдет, не боясь, что еду отнимут большие и сильные товарищи.

Она рвала пакеты и разбрасывала их содержимое, торопясь, чтобы как можно больше всего вкусного найти до возвращения этих двоих. Но, как оказалось, могла бы и не торопиться.

Это было хорошее, сытное, урожайное утро. В кои-то веки Крестя по-настоящему утолила голод. Она должна была бы радоваться, быть счастливой, наслаждаться блаженной тяжестью в животе.

Но вместо блаженства собачонка испытывала тревогу. Тоскливую и давящую. Словно надвигалось нечто плохое. Словно своим поступком псы не просто нарушили древний запрет, а сделали мир хуже и опаснее.

Поделиться опасениями было не с кем. Не поймут. Так же, как не понял Друган ее страха перед новым серым котом. Трудно это – быть умнее других, когда эти самые другие сильнее и больше тебя.

Часть 20. Человечьи дразги

Друган был мрачен.

«Хорошие Дети добры к нам. А их обижают старуха! Надо с этим что-то делать!»

«Друган, не надо! Нельзя спорить с людьми, нельзя рычать на людей! Люди сильные, опасные и их много! Пусть люди сами решают свои споры. У этих детей есть родители, пусть они бабку и прогонят!» – пыталась вразумить его Кристя.

Бесполезно! Большой, сильный и храбрый пес был упрям и прост как палка. Хорошие Дети были для него чем-то вроде союзной стаи. И он считал, что им угрожает опасность, а, значит, он, Друган, должен вмешаться.

«Шарик, ну хоть ты ему скажи!» – взмолилась Кристя, вспомнив, как вдвоем с серым приятелем ей удалось увести Другана от опасного серого кота.

«А я не знаю, кто из вас прав. Правда, не знаю. Не решил пока», – честно ответил пес.

Кристя не знала, что делать. Если Шарик не поможет, то Друган поссорит всю стаю с людьми. Может, проще будет сначала перетянуть Шарика на свою сторону? А уж вместе-то они и Другана убедят. Вместе они смогут, порознь – никак. Вожак-то все-таки Друган!

Дети... проблемы в детях. Дети-то, может быть, и хорошие, но втянули стаю в очень нехорошую историю. Их, детей, Друган будет защищать. Но кто потом защитит стаю?

Надо бы как-то отвлечь его от этих детей, увести, сделать так, чтобы он поменьше оказывался рядом. Чтобы просто не мог влезть в людские дразги, потому что дразги далеко.

Но как? Чем его заинтересовать? Куда увести, если дети ходят везде и столкнуться с ними можно и у того дома, и у этого, и даже в парке?

Идея пришла в голову неожиданно.

«А давайте пойдем на поле за Большой Дорогой? Там интересно, наверное», – вкрадчиво предложила она, словно напрочь забыв о своем споре с Друганом.

«А как мы туда попадем? Там же машин много», – с сомнением уточнил Шарик.

«Мы пойдем с людьми. Люди умеют ходить через Большую Дорогу. Мы пойдем рядом с людьми, так, как будто это наши люди. Я так ходила. Даже в автобус так забралась. Это работает!»

«А там, наверное, стая своя...»

«Не знаю. Я там не была. Хочу посмотреть как раз. Вы как хотите, боитесь – не ходите, а я пошла прямо сейчас!»

И, не оглядываясь, потрусила прочь, в сторону Большой Дороги.

«Это я-то боюсь?! Да ничего я не боюсь!» – возмутился Друган, догоняя и обгоняя собачонку.

Опустив голову, чтобы спрятать самодовольную ухмылку, Кристя семенила уже вслед за ним. Простой, но сильный, Друган легко поддался на ее уловку. Надо будет только подумать, куда его потом еще сводить.

Они уже почти достигли дороги, когда раздались знакомые голоса:
«Друган, друган! Шарик! Кристя! На-на-на!»

Ну как же некстати, они еще и с угощением пришли!

Псы, виляя хвостами, отправились приветствовать детей и получать свои лакомства. Мрачная, полная нехороших предчувствий, Кристя поплелась следом.

Дети, это люди. Даже хорошие дети, это все равно люди. А людям доверять нельзя. Вову она много лет считала хорошим, а что он сделал в результате?

Но теперь уже не отговоришь стаю, не уведешь на поле за дорогой. Может быть, хоть от совсем-совсем глупостей получится отговорить. Дети, меж тем, угостив и потискав собак, развернулись и пошли, разговаривая друг с другом. И чем дальше они шли, тем больше не нравилось это Кристе: шли дети к той самой лавочке, где часто собираются бабушки.

«Друган, пойдем, пойдем на поле! Пойдем, пожалуйста! Я очень-очень хочу на поле!» – скулила и канючила она, лапаясь к вожаку.

«Хочешь – иди, потом расскажешь, как там, а я занят, я с детьми гуляю!»

Скамейка со старушками уже показалась из-за обрамляющих газон кустов. Дети возбужденно переглядывались и нехорошо улыбались. Так улыбаются перед дракой те, кто считает себя сильным и уверен в победе.

Развернувшись, Кристя потрусила прочь.

Она не хочет, не хочет видеть, что сейчас будет. Потому, что будет огромная, ужасная глупость.

Рык и лай псов донесся, когда она добежала до поворота.

Началось. Дети втянули стаю в войну со старухами. И чем бы ни кончилась эта война, стае она на пользу не пойдет.

Ведь так хорошо все было! Ну почему Друган такой глупый?!

Часть 21. Чудовище

Погода вроде улучшилась, прекратился противный морозящий дождик. Можно было греться на солнышке и наслаждаться жизнью.

Только вот не получалось этой самой жизнью наслаждаться.

Ее преследовал страх. Страх и предчувствие надвигающейся беды.

Друган с Шариком пропадали целыми днями – разгуливали с детьми, защищали их ото всех, кто был к детям недружелюбен. Вот только почему-то чем больше эти двое защищали детей, тем больше вокруг становилось недовольных взрослых.

Вот что надо делать, если ты маленький, и с кем-то большим не ладишь? Правильно – держаться от него подальше. А эти дети, наоборот, упорно шли туда, где легче всего встретить недружелюбных взрослых. Как видели псов, так и вели их к скамейке с бабушками. И начинался крик и лай, и злоба висела в воздухе почти осязаемым тягучим маревом.

Она пыталась их отвлекать, искала новые интересные места, новые забавы. Но получалось не всегда. Да и плоховато получалось, честно говоря. Стоило появиться на горизонте детям, и оба пса теряли интерес к ее затеям.

Она не ходила с ними. Боялась. Боялась, что кто-нибудь из этих двоих преступит запрет и укусит человека. А она не сможет вмешаться. Пусть уж лучше все произойдет без нее. А она пока будет думать, чем же таким увлечь этих двоих, чтобы они забыли о человеческой войне и перестали лезть в чужие дразги.

Ночью было проще. Люди почти не появлялись на улице. Никто не отвлекал псов, не втягивал в свои конфликты. Можно было позвать их с собой и показать что-то новое, интересное.

Ей постепенно казалось, что она сама воюет. Только не со старухами со скамейки, а с этими самыми детьми, которые оказались вовсе не такими хорошими, как думал Друган.

Но сегодня... сегодня ночью они пойдут на охоту. Во дворе появилась новая кошка. Глупая новая кошка. Не умеет прятаться, отходит далеко от деревьев и укрытий. Это хорошая добыча. Может быть, эта охота вернет псам память о прошлой жизни, когда стая была сама по себе, люди – сами по себе, и все были счастливы?

Кошка была совсем глупой – вылезла на середину двора. Там ее и настигла стая.

Глупой. Но ловкой. Петляя, шарахаясь, иногда даже кувыркаясь, она умудрялась уворачиваться, уходить ото всех попыток собак схватить ее зубами или придавить лапой.

Это было прекрасно! Втроем, чувствуя друг друга рядом. Понимая без слов, кто где должен стоять и что делать, они творили одно общее дело.

Ловкому Шарик у удалось сбить кошку на бок лапой, прижать к земле.

«Не нааааадо!» – закричала добыча.

Глупая, как будто кто-то явится ее спасать.

Глупая, но ловкая.

«Спасите, МААААМААААААА!» – кричала кошка, а сама вывернулась так, словно в спине ее не было костей, сложилась удивительным образом и вывернулась из-под лапы Шарика.

Ну нет уж, не уйдешь!

«Пустиииии! Больнооооо!» – успела закричать кошка, и затихла, обмякла в крепкой хватке зубов Кристи.

«Поймала!» – торжествующе подумала собачонка... и еле успела шарахнуться, испуганно взвизгнув.

Еще немного, и лишилась бы глаза – когтистая лапа просвистела именно там, где он был бы, не успея Кристя увернуться.

«Убьюююююю!» – завывал полный злобы голос.

Он поднялся, выгнув спину, над поверженной кошкой – страшный и какой-то слишком большой.

Знакомые и ужасные глаза полностью заполоняло безумие, в открытой пасти белели острые клыки. Это был тот самый кот, от которого бежали в ужасе люди. И теперь Кристя поняла, почему они бежали.

Друган и Шарик бросились на кота вместе. Может, это шанс, втроем, всей стаей, они его добьют?

Все смешалось в мешанину когтистых серых лап, мельтешение яростных зеленых глаз, зубов, когтей...

Кота было больше, больше, чем их, троих! У него были десятки лап, и эти лапы били, не переставая, норовя зацепить глаз, нос или чувствительные собачьи губы.

Нет, нет, не одолеют.

Пригнувшись, попискивая от боли и страха, Кристя шарахнулась прочь, развернулась на бегу и припустила прочь так, словно ужасный кот уже гнался за ней.

Кто-то за ней и правда гнался. И догнал. И не стал хватать, а просто побежал рядом.

Шарик!

Шарик с большой кляксой крови вместо глаза...

«Нафигнаизнанкувыпотрошу!» – донеслось откуда-то сзади.

Друган, миленький, беги! Беги, пока жив! Мы уже не поможем тебе. Это не кот, это чудовище какое-то!

Часть 22. Важный разговор

Шарик скулил и похныкивал, но не отбивался и не рычал, пока Кристия вылизывала его морду от крови.

Глаз, к счастью, уцелел. Но кровь, частыми большими каплями стекающая из раны на брови, никак не останавливалась.

По губам пса стекала розовой пеной слюна, смешанная с кровью – страшный кот разодрал ему щеки изнутри.

«Откуда он взялся, взялся откуда этот кот? Почему он такой?» – обиженно причитал раненый пес.

Кристия не отвечала – такие вопросы задают не для того, чтобы услышать ответ. Но для себя решила, что надо все-таки побольше разузнать об этом коте. Только вот у кого спрашивать?

Вороны?

Или не станут разговаривать, или наврут ради удовольствия много удивительных и бесполезных вещей.

Хозяйские собаки?

Они знают меньше, чем она. Целыми днями сидят в домах, выходят лишь ненадолго.

Остаются только кошки. Но непросто это – расспросить кошку. Ее, кошку эту, надо сначала найти, да так найти, чтобы не удрала прежде, чем ответит.

А спросить надо.

И еще, этот кот зачем-то искал ту машину, на которой приехал. Там, в этой машине, было что-то, что он хотел вернуть. Или кто-то – не даром же он звал какую-то Лика, когда бродил по округе.

Может, кошки знают, что это за Лика такая?

Потому, что если эта самая Лика, это и есть та серая кошка, которую они поймали ночью...

Кристия поежилась, представив, в какую ярость придет кот.

А ведь пришел...

Вдруг он теперь решит страшно отомстить и сам начнет нападать на собак?

Надо все выяснить. И как можно скорее.

Тяжелая поступь, шумное дыхание – явился Друган, вскоченный и окровавленный. Но глаза, вроде, на месте.

«Ты была права, Кристя. Это какой-то совсем неправильный кот. Надо от него держаться подальше», – устало пробормотал могучий пес и тяжело улегся рядом с Шариком.

«Я во всем права. Вы меня зря не слушаете. Давай вы мне просто верить будете?» – устало предложила собачонка.

«Хорошо. Будем верить. Говори».

«Дети... в общем, они нарочно вас ищут. А потом идут сами злить бабок. Нарочно. Не надо с ними ходить. Это плохая затея. Совсем плохая. Опасная для нас всех».

«Но их же защищать надо...» – как-то неуверенно возразил Друган.

«Не надо их защищать. Бабки за ними не гоняются по двору, сами не подходят. Это они ходят к бабкам. А могли бы в другом месте пройти. И когда вас рядом нет, там и ходят. А с вами – всегда мимо бабок. Это у них такая игра. И это очень плохая игра. Делают дети, а виноватыми будем мы!»

«И что... что тогда делать?»

«А мы будем гулять там, где нет ни детей, ни бабок, пока они между собой сами не разберутся. Вон завтра на поле пойдем. Или в парк. Или просто поспите вы двое, чтобы раны поскорей зажили».

«Мы лучше поспим», – вымученно протянул страдающий от боли Шарик. – «А ты что делать будешь?»

«А я попробую побольше узнать про этого кота. Если повезет, приду с новостями. А вы спите и никуда не ходите».

«Договорились!»

Они лежали, прижавшись друг к другу. Измученные, потрепанные, обескураженные. Но все же... все же Кристя чувствовала себя куда спокойнее, чем последнее время. Кажется, у нее появился шанс спасти свою стаю от гнева людей.

Часть 23. Два котенка на газоне

Небольшая черно-рыжая собачонка растерянно кружила по двору. На ходу думалось легче.

Вчера она пообещала своей стае выяснить все, что получится, про страшного серого кота. Тогда это казалось хорошей идеей. А вот теперь уже не казалось.

Хозяйские псы знали еще меньше, чем сама Кристя. Вороны, наверное, знали больше, и гораздо больше. Но узнать правду у ворон вряд ли получится. Любят они морочить.

А кошки... кошек еще найти надо. Они прячутся в подвалах, а когда выбираются наружу, осторожны и скрытны. И вылезают по большей части ночью по ночам, а Кристя обещала к вечеру уже вернуться с новостями.

Есть, конечно, еще кое кто. Но с ними поговорить еще труднее, чем с кошками. Хотя, знать они могут больше. Серый Народ все видит, все слышит, и очень любит сплетничать. Но сплетничают они только друг с другом.

И все же... все же...

Эти и днем вылезают, и ночью. Их можно найти около мусорных баков. И это – шанс.

Насторожив свои большие уши, приюхиваясь на ходу. Собачонка осторожно двинулась вдоль стены дома.

Надо найти Серый Народ. И при этом не попасться на глаза детям и бабкам. Не нужно ей их интриг и свар, пусть люди сами друг с другом разбираются.

Искать пришлось долго. Но нашла она вовсе не крыс. А котят. Двух котят, которые беззаботно играли на газоне.

Они не были похожи на тех, которых приносила в корзине женщина. Не метались, не искали маму. Просто играли друг с другом. Значит...

«Не тттттттоооождетееееей!» – завыл почти рядом полный страха и отчаянной решимости голос.

Кошка!

Небольшая кошка в траве. Глаза напуганные и злые. Нападет. Точно нападет. Кристя бы тоже напала, если бы большой страшный зверь подошел к ее детям... а для кошек Кристя – большая.

Идея появилась неожиданно. Удачная идея.

«Не трону, если расскажешь то, что мне надо».

Кошка все еще стояла, выгнув спину горбом и странно вывернув голову, но при этом вид у нее стал не грозный, а озадаченный.

«Че?»

«Кот. Новый кот со страшными глазами. Что ты о нем знаешь?»

«Серый что ли?» – кошка, наконец, перестала горбиться и выпрямила шею. Продолжая настороженно следить за собакой, она повернула голову в пол-оборота – чтобы видеть сразу и Кристю, и котят.

«Ну да. Со страшными зелеными глазами».

«Это Серый. Новый Повелитель Помоек».

«А старого куда дел? Был же вроде Беляш?»

«Победил».

«А что еще о нем знаешь?»

«Он попал сюда из другого места. И приставал ко всем с расспросами. И никто не посмел отказаться и не ответить. Он искал кошку. Кошку звали Лика. Ее увезли на машине, а он думал, что она где-то здесь».

Кошку... ой...

В памяти всплыла вчерашняя охота, дымчато-серое тельце с пушистым хвостом...

«Серую кошку?»

«Нет. Черную с белым».

Уф, не та кошка. Хорошо.

«У него во взгляде Сила. Никто не может смотреть на него. Все его боятся. Больше ничего не знаю».

Кристя покосилась на котят и сглотнула слюну.

Что ж, она обещала...

«За котятами лучше смотри. Плохое место ты выбрала, видно их хорошо», – и потрусил прочь, не оглядываясь и стараясь не прислушиваться к зову голода.

Не нужна ей сейчас драка с кошкой, не нужна. Хватит с нее вчерашнего кота. Да и кошка честно ответила на все вопросы. Лучше, пока оба больших пса отсыпятся, в одиночку порыться в баках. И всю, всю добычу забрать себе.

Часть 24. Недобрая встреча

Друган пришел в себя быстро. Рана Шарика заживала плохо.

Кристя по несколько раз в день вылизывала его несчастную, распухшую и гноящуюся бровь, а она все не заживала и не заживала.

От постоянной боли пес стал раздражительным и злым, огрызался на Кристю без видимой причины. Потом приходил сам, ложился рядом, прижавшись боком, тяжело вздыхал и лежал, тихий и какой-то беспомощный, словно маленький щенок.

Он и не спал, и не бодрствовал. Лежал подолгу, какой-то вялый, с открытыми глазами и ни на что не обращал внимания. Иногда поднимался, добредал до ближайшей лужи и подолгу, жадно пил. Потом возвращался и снова впадал в свое оцепенение.

Кристя с Друганом старались не отходить далеко от укрытия, в котором отлеживался Шарик – заваленной мусором ниши под балконом. Мало ли, что произойдет, мало ли, кто доберется до раненого. Не все хозяйские псы хорошие, некоторые, наоборот, так и рвутся в драку. А сейчас Шарик вряд ли сможет себя защитить сам.

Вот спустят с поводка того же Ланса, и все, спасти приятеля придется.

Кристя мысленно хвалила себя раз за разом: молодец она, убежала не просто в безопасное место, а туда, где редко появляются дети. Шарик, одуревший от боли, ослепший от залившей глаз крови, убежал за ней, и теперь прячется в хорошем безопасном укрытии, далеко от людей и их непонятных, но опасных конфликтов.

Друган, привыкший питаться находками из мусорных баков и угощениями людей, стал голодным и тоже очень раздражительным. Кристе было проще. Она могла охотиться. Даже крупный кузнечик, и тот чуть-чуть ослаблял ее голод. А сколько этих кузнечиков, ящериц, лягушек и прочей мелочи удавалось наловить за день... И Друган не успевал отобрать добычу – слишком мелкая добыча, можно быстро-быстро съесть.

Шарик выбрался через несколько дней, голодный, несчастный, но уже не оцепеневший. Радостный Друган повел свою стаю инспектировать мусорные баки – утолять голод.

Кристя старалась держаться подальше от этих двоих, чтобы не отобрали добычу. Оба голодные, особенно Шарик, но и она тоже хочет есть! Облюбовав баки около соседнего подъезда, она через газон посматривала на приятелей, не забывая рвать пакеты и перерывать мусор в поисках добычи.

Ей удалось разжиться остовом запеченной курочки. Хрустя тонкими аппетитными косточками, собачонка наблюдала, как перерываются, деля добычу, два ее приятеля.

Дети подошли неожиданно. Подошли, увидели псов и позвали их по именам. И не просто позвали, а потрясли в воздухе ярким пакетиком.

Кристя помнила такие пакеты. В них дети нередко приносили печенье. Маленькое, нельзя сказать, чтобы какое-то невероятно вкусное, но вполне приятное на вкус. А уж для собак, которые голодали несколько дней...

Вот что не так с этими двоими?! Недавно же слушали ее, соглашались с ней, обещали быть осторожными. А теперь снова идут с этими детьми! Почему, почему они такие легкомысленные?

Пригнувшись, спрятавшись за край мусорного бака, чтобы стать невидимой для детей, Кристя выжидала, когда звук шагов и голоса достаточно удалятся. Не хочет она к этим детям, не хочет! Потому, что точно знает, куда и зачем они скоро пойдут.

Куручка, еще недавно такая вкусная и аппетитная, больше не доставляла наслаждения – только утоляла голод.

Дураки! Какие же они дураки! Ведь договорились же, обо всем договорились. Эхх...

Насытившись, Кристя выбралась из бака и осторожно, вдоль стены дома, как крадущаяся кошка, двинулась в ту же сторону, куда ушли дети и увели псов.

Сердитые голоса она услышала издалека. Да, так и есть. Дети снова взяли псов чтобы втянуть их в склоку со старухами.

Голоса все набирали громкость – и детские, и собачьи, и взрослые.

А потом...

Потом раздался вскрик. Так кричит человек, которому кто-то неожиданно сделал больно.

Мимо пробежали испуганные дети. Следом – не менее испуганные псы.

Кристя бессильно уселась на траву.

Эх вы, защитники человеческих детей. Что же вы наделали... Что же теперь с нами будет?

Часть 25. Ожидание беды

Они вернулись, смущенные и растерянные.

Кристя мрачно лежала, глядя в стену.

«Я говорила, не надо с детьми ходить».

«Говорила...» – мрачно протянул Друган.

«Говорила, что это плохо кончится».

«Говорила».

«И кто из вас укусил старуху?»

«А откуда ты знаешь, что я ее укусил?» – удивился Шарик.

«Она кричала. Так только укушенные кричат. Я слышала».

Псы мрачно устроились рядом с ней. Все трое понимали: произошло нечто плохое. Нечто недопустимое и непоправимое.

«Может, нам лучше уйти, пока люди не наказали нас?» – задумчиво спросила Кристя.

«Не уйду я отсюда никуда. Это мое место. Но если ты уйдешь, я тебя пойму. И буду по тебе грустить», – ответил Друган.

«Я тоже не уйду. Тут мы живем и тут мы будем жить. Я уже достаточно наскитался!» – поддержал вожака Шарик.

Кристя представила, как одна, без стаи, уходит куда-то в неизвестность из привычных мест и ее охватила тоска.

«Без вас не уйду. Вы хорошие. Дурные только. Но хорошие».

Они не спорили – сами понимали, что сделали глупость.

«Только давайте больше совсем-совсем к детям не будем подходить. А то все хуже и хуже делается. Как к ним подойдете, так и делается хуже».

Она не верила, что псы выполнят ее просьбу. Уже не выполнили. Но вдруг хоть один проникнется?

Это был невеселый день. Они ушли подальше от места, где пересеклись с детьми и старухой, и искали там пропитание. Но все трое были мрачными и подавленными. Ощущение приближающейся беды, которое все это время мучило Кристю, наконец-то настигло и ее больших сильных товарищей.

Но вечер прошел, и наступила ночь. И ничего ужасного не произошло. И на следующий день – тоже.

«Может, „пронесло“ на этот раз, и просто больше не надо лезть в чужие склоки?» – с надеждой предположил Шарик.

«Не знаю. Не знаю. Надо быть осторожными и на всякий случай быть готовыми бежать. Быстро и в разные стороны», – ответила Кристя.

«А почему в разные, мы же – стая?» – удивился Друган.

«А чтобы не всех поймали!»

День прошел в ожидании чего-то плохого. И снова не произошло ничего. Кристя уже и сама начала надеяться, что выходка Шарика будет забыта. Люди не ответили на собачью дерзость.

Но все же... все же...

Это самое «все же» было очень страшным и с трудом укладывалось в голове.

Иногда люди не отвечают сразу, как собаки. Они выжидают, когда перестанешь бояться. И настигают тебя именно тогда, когда ты поверишь, что все уже позади.

Она следила. Следила, прячась в кустах и зарослях цветов, за всеми людьми, которые ходили мимо. Особенно за теми, которые делали что-то непривычное.

Нередко к ней присоединялся Шарик. Ему казалось, что Кристя хорошо знает, что делает. А она не могла решиться и сказать ему, что это не так.

Первым человека, идущего в предрассветном полумраке, увидел Шарик.

«Смотри! Чужой какой-то. Не видел его никогда, а я тут год уже живу».

Сливаясь с утренним сумраком, они наблюдали, как чужой человек перешагивает ограду газона, и идет к крышке колодезного люка. Достает что-то из сумки, выкладывает на люк и уходит, не оглядываясь.

Крадучись, вытянув вперед головы, готовые убежать в любой момент, две собаки двинулись вперед. Шаг, еще шаг, и еще...

Дразнящий аромат заставил их обоих сглотнуть слюну.

«Кристя, он что же... он мясо положил?» – удивился Шарик.

Кристя тоже была удивлена. Такого не должно было быть. Такого быть не могло. А значит, происходит что-то неправильное. И, наверное, опасное.

Часть 26. Неправильное мясо

Давным-давно, в прошлой жизни, когда у нее было совсем-совсем другое имя, уже случилось нечто похожее. Она знала, что угощения быть не должно, понимала, что есть его опасно, но не могла с собой справиться.

Рот наполняла слюна. Она была голодна. Она хотела, о, как она хотела съесть этот кусок мяса!

«Мое!» – Шарик метнулся вперед и схватил ароматный кусок.

У Шарика не отберешь. Он сильнее. Но все же, все же... можно хотя бы понюхать.

Подобравшись ближе, Кристия втянула носом дразнящий аромат.

К запаху мяса примешивался еще один запах. Совсем слабый. Но какой-то неправильный.

«Шарик... это неправильное мясо...»

«Иди отсюда! Мое, не отдам!» – огрызнулся Шарик.

Кристия не стала спорить. Во-первых, она была слабее Шарика и не могла с ним спорить за еду. А во-вторых, она боялась. Но боялась не трепки, которую может задать ей сердитый Шарик. Она боялась увидеть то, что сделает с Шариком неправильное мясо.

Отвернувшись, она потрусила к тому единственному, кто мог ее успокоить. Может быть, когда она справится с гнетущим ужасом и снова сможет думать, все станет проще?

Друган спал на боку, вытянув свои длинные могучие лапы. Спал чутко, как и всегда. Поэтому приподнял голову прежде, чем Кристия успела его окликнуть.

«Ты чего такая... напуганная?»

«Шарик... человек... мясо...» – выдохнула она, не понимая, с чего начать.

Друган сел и озадаченно потряс головой.

«Успокойся и не галди. Ты же умная всегда была! Давай, расскажи нормально».

Да. Она умная. Она не должна метаться и галдеть. Она должна рассказать все по порядку.

«Перед рассветом приходил человек. Чужой, я его раньше не видела. И положил кусок мяса. Я его хотела съесть. Мясо, а не человека. Но Шарик схватил первым. А когда я подошла близко, я поняла, что мясо пахнет неправильно. Сказала Шарiku, но он мне не поверил. И съел. И теперь я боюсь, что будет что-то плохое».

К удивлению Кристи, Друган выслушал ее очень серьезно.

«Я однажды съел совсем плохое мясо. Тухлое. И потом болел. Шарик тоже может заболеть».

«Что делать? Как ты справился?» – с надеждой спросила Кристя.

«Я не ел долго-долго. И все время пил. И потом оно само прошло. Но мне было очень плохо».

«Значит, надо проверить все водопой в округе. Чтобы показать Шарикку те, где есть вода».

Теперь, когда страх больше не мешал думать, и к Кристе вернулась прежняя рассудительность, она могла снова заглядывать немного вперед и заранее решать, что стоит сделать.

«Хорошая идея. Пойдем вместе», – согласился Друган.

Они трусили по утренним, еще не заполненным людьми дворам.

«Смотри, еще мясо!» – испуганно прошептала Кристя.

Друган вскинул голову и принялся.

«Погано оно как-то пахнет. Как вы с Шариком могли такое захотеть?»

Запах мяса и впрямь был немного странным. Но не такой уж и плохой.

«Ты чувствуешь больше, чем я», – уважительно сказала Кристя и двинулась за вожаком, стараясь не оглядываться.

Если могучий бесстрашный Друган считает мясо опасным, значит, так оно и есть.

Лучше они проверят, где сейчас есть вода, а где нет. Шарикку это скоро сильно-сильно понадобится.

Серый приятель присоединился к ним сам, неожиданно выскользнув из проулка.

«А что вы делаете?» – спросил он с любопытством.

Больным Шарик не выглядел. Наоборот, вид у него был весьма и весьма довольный.

«Проверяем водопой. Где есть вода, а где нет», – честно ответила Кристя.

«А зачем?»

«А чтобы тебя поить, когда заболеешь», – хотела ответить она. И не смогла. Поняла – не поверит, поднимет на смех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.